

О ПАНФИЛОВЕ В. И. — в ПОМПОЛИТ

ПАНФИЛОВ Владимир Иванович, родился в 1880-х. Окончил городское техническое училища в Вышнем Волочке, затем — Военно-топографическое училище. Получил высшее образование, служил топографом. В 1912 — перешел на работу в Морское ведомство, работал военным гидрографом. В 1920-е — проживал в Ленинграде, работал в Северной гидрографической экспедиции. 13 ноября 1930 — арестован по групповому делу, 26 апреля 1931 — приговорен к 3 годам ссылки в Западную Сибирь и отправлен в селение Александрово на Оби Нарымского края.

В декабре 1931 — в Помполит обратилась за помощью его жена, Мария Ивановна Панфилова-Душечкина.

<25 декабря 1931>

«В Комитет помощи
политическим заключенным

Панфиловой-Душечкиной
Марии Ивановны

Заявление

Обращаюсь в Комитет помощи заключенным с просьбой содействовать снятию с моего мужа тяжкого обвинения и возвращению его к своей работе.

Мой муж, военный гидрограф, Владимир Иванович Панфилов (Северная Гидрографическая Экспедиция, Ленингр<ад>, здание Адмиралтейства) постановлением Коллегии ОГПУ от 26/IV 1931 г<ода>, дело № 4043, приговорен по ст<атье> 58, п<ункт> 11 Уг<оловного> Кодекса к 3 годам ссылки в Зап<адную> Сибирь. Из Ленинграда был направлен в Ново-Сибирск, а оттуда в сел<ение> Нижне-Лумпокольское (Александрово на Оби) Нарымского края, верст 800-900 от жел<езной> дороги.

Арестован он был с 13 на 14 ноября прошлого 1930 года. При обыске были взяты материалы по топографо-геодезическому кружку им<ени> проф<ессора> В. В. Витковского, в котором работал мой муж. Этот скромный, занимавшийся исключительно научной работой, кружок был основан учеником проф<ессора> Витковского с разрешения властей, ни одно действие его не производилось без разрешения. Мой муж был одним из инициаторов кружка, состоял его секретарем и много работал, считая эту работу полезной для государства. Между прочим, при содействии кружка была переиздана и продавалась по доступной цене "Топография" Витковского, настольная книга каждого студента ВТУЗ'а, сделавшаяся редкостью и непосильной по цене для учащихся.

В издании произведений Витковского и узко специальных докладах выражалась вся работа кружка.

В кружке было много членов военных — это вполне понятно, так как при старом правительстве все топографы и геодезисты были военные, не было гражданских топографических школ.

Все объективные данные говорят за то, что мой муж не мог участвовать в какой-либо противоправительственной работе. Жили мы скромно, всю жизнь оба работали: я с 1903 года в качестве педагога, он, как военный гидрограф, а раньше — топограф — в 1912 году он перешел в Морское ведомство, интересуясь работой на море.

Происхождение наше чисто пролетарское. Отец моего мужа был мастер на Мстинском шлюзе, Тверск<ой> губ<ернии>, раньше писарь Путейского ведомства, мать — дочь кантониста.

Образовательный ценз моего мужа указывает на его пролетарское происхождение. Он учился в городском училище г<орода> В<ышнего> Волочка, где учились дети пролетарских родителей, затем в Технич<еском> уч<или>ще Путейск<ого> ведомства в том же городе. Не имея возможности продолжать образование на средства родителей, — он готовится сам и поступает в Военно-Топографическое уч<или>ще, где учились на казенный счет.

Таким образом, он делается военным. Вполне понятно всякому, знакомому со старой морской средой, каково было положение в этой среде моего мужа при его пролетарском происхождении. Некоторое служебное и общественное положение он приобрел только при Советской власти. Работа его в Северн<ой> гидрогр<афической> экспедиции, скромная и кропотливая, по изучению Мурманского побережья велась в исключительно тяжелых условиях: 5 мес<яцев> (с мая по октябрь) отрезанности от культурной жизни и не дала ему ни материального благополучия, ни известности, а велась только для пользы Союза.

Между тем, жизнь в палатке содействовала приобретению общего ревматизма, который в последний год принял острую форму, и мужу пришлось оставить работу и лечиться в Санатории.

За все время нашей совместной жизни я хорошо знаю, мой муж не мог участвовать ни в какой работе, направленной против Советской власти, наоборот ни минуты не прекращая, работал для ее процветания.

Я очень опасаюсь, что жизнь в условиях Нарымского края будет вредна для здоровья моего мужа, и он сделается раньше времени инвалидом. Отдельная жизнь и заработок мужа в месте ссылки недостаточный для покрытия необходимых расходов, требующий дополнения, ложатся всей тяжестью на меня. Детей у нас нет, есть приемная дочь 19 л<ет>, которая тоже нуждается в моей помощи. Между тем, я сама не имею ни здоровья, ни сил для усиленной работы и сама нуждаюсь в отдыхе после больше чем 25 летней работы на педагогическом поприще.

Опасаюсь одного: не имеет ли место оговор, или ложный донос людей, для которых выгодно пребывание моего мужа в ссылке. Ввиду всего вышеизложенного я и решаюсь обратиться в Комитет с просьбой содействовать пересмотру дела моего мужа.

М. Панфилова-Душечкина.

25. XII. 1931 г<ода>»¹.

В 1933 и 1935 — о смягчении участи Владимира Ивановича Панфилова дважды обращались в Помполит².

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 741. С. 136-138. Автограф.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 952. С. 12-14; Д. 1446. С. 62.